

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ**

В серии
«Звезды научной фантастики»
вышли:

Питер Уоттс. *Ложная слепота*

Питер Уоттс. *Эхопраксия*

Питер Уоттс. *По ту сторону рифта*

Йен Макдональд. *Бразилья*

Адам Робертс. *Стеклянный Джек*

Дэниэл Суарез. *Поток*

Грег Иган. *Город перестановок*

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ДЖЕЙМС КАМБИАС

ТЕМНОЕ МОРЕ

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
К18

Серия «Звезды научной фантастики»

JAMES L. CAMBIAS
A DARKLING SEA

Печатается с разрешения Ethan Ellenberg Literary Agency
(США) при содействии агентства

Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского *Анастасии Борисенко*

В оформлении обложки использована

иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки *Марины Акининой*

Камбиас, Джеймс

К18 Темное море / Джеймс Камбиас.— Москва: Издательство
АСТ, 2016.— 442, [2] с.— (Звезды научной фантастики).

ISBN 978-5-17-088378-3

На планете Ильматар под многокилометровой толщей льда и воды команда ученых с Земли исследует разумных аборигенов. Экспедиции приходится нелегко, ведь все прямые контакты с ильматарианами запрещены более развитой расой шоленов, первых инопланетян, с которыми столкнулись земляне, освоив межзвездные перелеты. Технологически шолены намного опережают людей и считают их слишком агрессивными существами, способными своим прогрессорством довести невинную цивилизацию до гибели.

Когда ильматариане по ошибке убивают знаменитого журналиста с Земли, напряжение между людьми и шоленами резко возрастает, а возникший дипломатический конфликт грозит обернуться полномасштабной войной. Противники еще не знают, что слепые и отсталые ильматариане, одинаково чуждые и землянам, и шоленам, далеко не так просты, как кажутся, и в грядущем конфликте они сыграют особую роль, ведь при первом контакте любая ошибка может оказаться роковой.

Copyright © 2014 by James L. Cambias. All rights reserved
© Анастасия Борисенко, 2015, перевод
© Михаил Емельянов, 2016, иллюстрация
© ООО «Издательство АСТ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

К концу второго месяца на станции «Хитоде» Роб Фриман был готов убить Анри Керлерека восьмьюдесятью пятью разными способами. Среди обитателей станции он оказался третьим: первое место уверенно держал Осип Палашник со ста сорока тремя вариантами расправы, на втором располагалась Надя Кайли с девяносто семью. Количество и изощренность изобретаемых казней напрямую зависели от того, сколько времени каждый из них проводил в компании Анри.

Осип, первый пилот субмарины, вынужденный работать бок о бок с Керлереком много часов в неделю, отдавал предпочтение быстрым и грубым методам, подходившим для тесного пространства кабины. Надя делила с Анри лабораторию — то есть вскрытия ей приходилось делать на кухонном столе или на полу в собственной спальне, — а потому ее арсенал составляли редкие яды и изысканно-сложные комбинации.

В обязанности Роба входили подводные камеры и управление беспилотниками. Во время учебы он

наивно полагал, что будет снимать экзотический живой мир Ильматар, изучать уникальные природные системы, помогая научной группе разобраться в биологии и экологии отдаленной обледенелой планеты, но уже в первую неделю после прилета обнаружил себя в роли личного оператора Анри, мальчика на побегушках и вынужденной благодарной публики.

Его список казней начинался с «придушить А. К. этим его идиотским ожерельем с египетским крестом» и продолжался намерениями перерезать воздухопровод в водолазном костюме, затолкать Керлерека в термальный источник, бросить посреди океана без инерциального компаса и скормить энокампусу. Впрочем, некоторые читатели популярной на станции новостной ленты «Смерть А. К.!» полагали, что по отношению к энокампусу последнее — зверство.

Желание прикончить Анри впервые настигло Роба на вечеринке, которую Надя и ее муж, Пьер Адлер, устроили у себя в каюте, не успев транспорт снабжения покинуть орбиту и отправиться в полугодовое путешествие обратно к Земле. Четверым гостям едва хватало места, и, чтобы не перегружать вентиляцию, дверь оставили открытой. Угощали дынями с гидропонного хозяйства станции, в которых залили принесенный Палашником картофельный самогон. Сначала выпивали алкоголь с фруктовым привкусом, затем проспиртованную дыню резали на дольки, пока закусывающий оказывался не в состоянии держать нож.

— У меня новая идея! — провозгласила Надя после третьей дольки. — Надо положить лист бумаги на пару месяцев рядом с реактором — пусть как следу-

ет облучится, а потом написать письмо вроде как от поклонника и подсунуть ему под дверь. Он сохранит признание для коллекции и подохнет от радиации!

— Слишком долго,— не одобрил Осип.— Даже если Керлерек будет таскать письмецо в кармане, это растянется на годы.

— Зато позабавимся, глядя, как он лысеет,— отрезала Надя.

— Я бы попросту запер его в отсеке с реактором и оставил там насовсем.

Роб удивился:

— О ком речь?

— Об Анри Керлереке,— шепнула Алисия Негри, зажатая между ним и спинкой кровати, полупьяная от дыни.

— Лучше облучите его гель для волос,— посоветовал Пьер.— Так он каждый день будет получать новую дозу, к тому же источник окажется прямо около мозга.

— Вот еще! Никакого мозга там нет уже много лет!

— Закачайте в дыхательную смесь хлор вместо аргона,— предложил кто-то, кого Роб не видел,— и вдруг повисла тишина.

В дверях стоял Анри собственной персоной, как обычно, с сияющей улыбкой до ушей.

— Никак решили кого-то прикончить? Речь, надеюсь, идет не о нашем любимом директоре станции? — Он оглянулся, убедившись, что доктор Сен не может подслушать.— А я знаю безотказный способ: треснуть его по голове крупным окороком или бараньей ногой — чем-нибудь в этом роде, а когда

явится полиция, скормить им ее, чтобы уничтожить улику. Ни за что не заподозрят!

— Это у Роальда Даля в рассказе было, — пробормотала Надя. — И баранья нога там была замороженной!

Но Анри ее не услышал.

— Согласитесь, красивый ход: полиция слопает орудие убийства! Пожалуй, как вернусь на Землю, напишу детективный роман. Что ж, всем доброй ночи! — Он помахал рукой и зашагал в сторону третьего блока.

* * *

В то утро Робу хотелось прибить Анри как-нибудь поизощреннее. Керлерек разбудил его в 21:00 — за целых три часа до подъема! — и под строжайшим секретом вызвал в нырляльную.

Нырляная, или комната для погружений, занимала нижнюю часть первого блока. Это было просторное круглое помещение со снаряжением для подводного плавания, развешанным по стенам, скамейками для переодевания и круглым бассейном в центре, через который исследователи с Земли могли выйти в темный океан Ильматар. Комната была самой холодной на станции; морская вода низкой температуры остужала ее до того, что конденсат на стенах застывал сложными геометрическими узорами.

Анри ждал его возле лестницы и захлопнул люк сразу, как только Роб скользнул вниз.

— Наконец можно спокойно поговорить! У меня к тебе важное дело.

— Чего?

— Сегодня вечером, в семь, мы с тобой выходим в океан. Никому ни слова! И никаких записей в экспедиционном журнале.

— Что? Зачем? И ты для этого разбудил меня в такую рань?!

— Я хотел быть уверен, что нас никто не услышит.

— Анри, прекращай свои шпионские игры! Я не собираюсь ничего делать, пока ты не объяснишь, что происходит.

— Пойдем, взглянешь сам,— Анри потащил его за собой к выходу в третий блок; осторожно приоткрыл люк, выглянул наружу и, жестом приказав Робу следовать за ним, поспешил к лаборатории, которую они делили с Надей Кайли.

Это было крохотное помещение, размером с две спальные каюты, в беспорядке заваленное местными артефактами, слайдами без подписей и ильматарской живностью в банках. Посередине стоял массивный серый пластиковый контейнер в рост человека. Его поверхность украшали маркировки на кириллице и небесно-голубая эмблема МАК ООН.

Анри прижал большой палец к сенсорному замку, и дверца открылась. Внутри оказался громоздкий скафандр, полностью черный — весь, даже стекло шлема,— и совершенно гладкий, без единого шва.

— Отличный костюм. Ну и что в нем такого секретного?

— Это не обычный гидрокостюм,— пояснил Анри.— Я с трудом его выцарапал, больше такого ни у кого нет. Скафандр-невидимка, разработка рос-

сийского флота для дезактивации интерактивных подводных мин и эхолокационных ловушек. Поверхность полностью поглощает звук. Невидим для всех типов гидролокаторов. Даже ласты низкочастотные.

— И как он работает? — В Робе проснулся технарь.

Анри пожал плечами.

— Это уж пускай техники беспокоятся. По мне, главное, чтобы работал. И пусть попробует не заработать! Он обошелся мне в шесть миллионов евро.

— Ладно, допустим, у тебя самый крутой аква-ланг на планете. Но зачем его прятать? Уверен, био-группа придет в восторг, когда сможет подобраться к местной живности так, чтобы та их не засекала.

— Еще чего! Вот закончу с делами, пусть глазают на своих червей и креветок сколько влезет. Но сперва я воспользуюсь этим костюмом, чтобы разглядеть ильматариан. Представь, Робер! Я смогу проплыть рядом с домами и, может, даже заглянуть внутрь! Подберусь так близко, что смогу их потрогать! А они даже увидеть меня не смогут!

— А как же правила насчет контакта?

— А кто говорит о контакте? Ты же слышал — ильматариане меня не заметят! Я буду среди них, смогу сделать крупные планы, но в этом костюме останусь для них невидимым!

— Доктор Сен озверевает, когда узнает.

— Когда он узнает, все будет кончено. Что мне сделает директор станции? Домой отправит? Я вернусь на Землю героем и на ближайшем корабле!

— Космические агентства тоже не обрадуются.

— Робер, еще на Земле я кое-что подсчитал. По-твоему, сколько человек регулярно просматривают сайты агентств или подписаны на их рассылку? По всему миру — около пятидесяти миллионов. А знаешь, сколько посмотрели фильм о моей последней экспедиции? Девяносто шесть миллионов! У меня в два раза больше подписчиков, а значит, я в два раза влиятельнее. Агентства должны быть в восторге от меня!

Роб подозревал, что цифры Анри выдумывает на ходу, как уже случалось, но, пожалуй, в его утверждении, что Анри Керлерек, знаменитый ученый-исследователь и бесстыдная проститутка от журналистики, популярнее всей остальной космической программы, была доля истины.

Роб чувствовал, как его затягивает бешеный вихрь сомнения Анри, но решил сопротивляться:

— Мне бы не хотелось попасть в неприятности.

— Тебе не о чем беспокоиться. Вот как мы поступим: ты тихонько спустишься вниз около половины седьмого и все подготовишь. Тащи с собой камеры и парочку импеллеров потише. Еще захвати беспилотник или два. Я надену костюм прямо здесь, и в 19:00 мы выходим. Импеллеры дотянут нас до кратера Мори-3, там недалеко есть поселение ильматариян.

— Далековато для импеллера. Мори-3... это километров шестьдесят будет?

— Три часа туда, три обратно и, пожалуй, часа два там. Вернемся около трех, сразу после завтрака. Если повезет, нас и не хватятся.

— А если хватятся?

— Тогда скажем, что снимали природу,— Анри начал застегивать контейнер.— Говорю тебе, никто

ничего не заподозрит. Если что, предоставь объясняться мне. А теперь — ни слова больше! У нас еще масса дел. Я собираюсь выспаться после обеда, чтобы к вечеру быть бодрым и полным сил. Советую последовать моему примеру. И никому ничего не говори!

* * *

Широкохвосту не по себе. Сосредоточиться на докладе не удастся: он то и дело проверяет смотку с собственным текстом. Следующим говорить ему, и это — его первое выступление перед Научным обществом Горькой Воды, своего рода экзамен. Широкохвост надеется, что члены Общества сочтут его работу достаточно интересной, чтобы принять в свой круг.

Гладкошкурка 24-я с Мусорной кучи заканчивает доклад о высоководных созданиях и отвечает на вопросы слушателей, причем непростые. Широкохвост ужасно боится, что, когда наступит его черед, он станет посмешищем для компании высокоученых книжников. Наконец поток иссякает, и Долгошуп 16-й с Горькой Воды щелкает клешнями, призывая к тишине.

— А теперь поприветствуем Широкохвоста 38-го с Песчаного Склона. Он живет далеко, а нам поведаст о древних языках. Просим, Широкохвост!

Широкохвост едва не упускает смотку, вовремя подхватывает ее и торопится в конец зала. Помещение идеально для выступлений: наклонный пол позволяет каждому услышать докладчика напрямую, а стены из пемзы отлично поглощают шум. Он на-

ходит свободный конец смотки и начинает речь, аккуратно протягивая шнурок между кормовыми усиками. Те нащупывают узлы на веревке, их порядок соответствует числам, а числа обозначают слова. Он помнит, как старается вязать аккуратнее и затягивать ту же, ведь этот экземпляр предназначен для библиотеки Долгощупа здесь, в Горькой Воде. Смотка состоит из цельного шнура, ужасно дорогого и неудобного в работе — не то что черновик, бывший путаницей обрывочных заметок, связанных друг с другом как попало.

Стоило начать, и страх улетучивается. Собственная увлеченность предметом придает Широкохвосту уверенности, и, по мере того как растет его воодушевление, речь становится более быстрой. В паузах он слышит, как шуршат и скребутся слушатели, и думает, что это хороший знак. По крайней мере они не впадают в спячку!

В основе доклада — описание эхогравюр из разрушенного поселения по соседству с его родным кратером Бесконечное Изобилие. Широкохвост уверен, что, сопоставляя гравюры с цифрами, расположенными под ними, можно восстановить лексикон древних строителей. Он зачитывает кое-что из собственного перевода найденных в развалинах обозначений.

По окончании на него обрушивается шквал вопросов. Громадный старик Круглоголов 19-й с Нижнего Течения задает парочку весьма каверзных. Он — признанный знаток древних поселений и культуры их основателей и жаждет удостовериться, что провинциальный выскочка не метит на его место.

Круглоголов и несколько его коллег быстро нащупывают слабые места в аргументации Широкохвоста. Кое-кто из них ссылается на исследования покойного Толстоуса 19-го с Быстрого Течения, и Широкохвост чувствует укол зависти: у него нет возможности приобрести такой редкий текст. Вопросы продолжают сыпаться, и в Широкохвосте закипает обида за свою работу, но он сдерживается изо всех сил. Пусть даже доклад провалится, он должен оставаться учтивым!

Наконец все позади, он сматывает шнур и устремляется к своему месту в дальнем конце зала. Он бы с радостью проскользнул мимо, потихоньку выбрался за дверь и поплыл к дому, не останавливаясь, но это будет выглядеть грубо.

Незнакомый Широкохвосту исследователь топорливо занимает место докладчика и сражается со спутавшейся смоткой. Долгошуп усаживается рядом с Широкохвостом и под сурдинку говорит, постукивая по его панцирю:

— Прекрасное выступление! Полагаю, вы сделали несколько очень важных открытий.

— Вы так считаете? А я уже думаю, не пустить ли смотку на починку сетей.

— Из-за вопросов? Не волнуйтесь, вопросы — хороший знак. Если слушатели их задают, значит, думают над докладом, а именно для этого мы здесь и собрались. Не слышу повода отказать вам в членстве, и, думаю, остальные коллеги со мной согласятся.

Широкохвоста захлестывает поток самых разнообразных чувств: и облегчение, и воодушевление, и

неподдельное счастье. Он едва удерживается, чтобы не заговорить вслух, торопливо постукивает в ответ:

— Я вам так признателен! Хочу переработать смотку, чтобы дать ответ на некоторые вопросы Круглоголова...

— Разумеется. Думаю, кое-кто тоже захочет получить копию. Ага, начинается!

Выступающий начинает зачитывать со смотки доклад о новой методике измерения температуры источников, но Широкохвост слишком счастлив, чтобы внимательно слушать.

* * *

В 18:00 Роб валялся в постели и старался придумать достойный предлог, чтобы никуда не идти. Сказаться больным? Лгун из него выходил неважный. Он попытался спровоцировать рвоту — можно свалить на проблемы с желудком из-за того, что наглотался морской воды. Не удалось. Самочувствие, как назло, было лучше некуда.

Может, просто не выходить? Остаться в койке, а дверь запереть? Не побежит же Анри жаловаться доктору Сену на то, что Роб отказался от тайной вылазки. Хотя с него станется устроить скандал под дверью, ругаться и клянчить, пока Роб не сдастся.

Да и, если по правде, Робу хотелось поучаствовать. Но он предпочел бы выйти в океан без Анри, самому испытать бесшумный скафандр, подобрать к ильматарианам на расстояние вытянутой руки, поснимать их крупным планом, а не довольствоваться парой расплывчатых кадров, сделанных бес-